

DOI: 10.31857/S086919080009057-9

## СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В СИРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

© 2020

Н.В. СУХОВ<sup>a</sup><sup>a</sup> – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-6767-3352

sukhov65@gmail.com

**Резюме:** На основе эмпирических данных, полученных в ходе полевых исследований автора в Сирии в 2017–2019 гг., выполнен анализ современной экономической, социальной и демографической ситуации, а также системы управления как на подконтрольных правительству САР территориях, так и на северо-востоке страны. При рассмотрении ситуации в комплексе и в динамике особое внимание уделено факторам, работающим на укрепление мира или, наоборот, – на возобновление внутреннего конфликта. К первым относятся восстановление экономики, торговля, возвращение беженцев, конфликтогенными продолжают оставаться социальные, демографические и психологические последствия вооруженного кризиса.

По мере обострения конфликта значение общесирийской идентичности ослабевало, а первичная принадлежность, лояльность клану и/или племени становилась всё более важной. К настоящему времени ситуация изменилась. Граждане стали в меньшей степени идентифицировать друг друга на основе политических взглядов.

Исследование позволяет сделать вывод, что кризис не только не разрешил ранее существовавшие противоречия по линии город – деревня, но и добавил новые. На данном этапе не решена и проблема противостояния религиозного и светского мировоззрений в сирийском обществе.

В статье также описано влияние кризиса на межэтнические отношения и положение этнических и религиозных меньшинств в стране, где они составляют значительную долю населения.

Коррупция, рутинная бюрократия, а также навязчивое вмешательство органов безопасности в повседневную жизнь и деловую активность являются широко распространенными явлениями, с которыми сталкиваются граждане. Неспособность властей решить коренные проблемы в этих сферах является фактором риска, который может спровоцировать будущий конфликт.

**Ключевые слова:** сирийское общество, восстановление экономики, социальные и демографические сдвиги, этноконфессиональные общины, управление, власть, конфликт.

**Для цитирования:** Сухов Н.В. Современная ситуация в Сирии и перспективы её развития. Восток (Orient). 2020. № 2. С. 74–84. DOI: 10.31857/S086919080009057-9

## CURRENT SITUATION IN SYRIA AND PROSPECTS FOR ITS

© 2020

Nikolay V. SUKHOV<sup>a</sup><sup>a</sup> – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-6767-3352

sukhov65@gmail.com

**Abstract:** Based on empirical data obtained from the author's field studies in Syria during 2017–2019, an analysis of the current economic, social and demographic situation, as well as the governance system in both the territories controlled by the SAR Government and the North-East of the country was carried out. When considering the situation in combination and dynamics, special attention is paid to factors working to consolidate peace or vice versa – to the resumption of internal conflict. The first are economic recovery, trade, return of refugees, and the social, demographic and psychological consequences of the armed crisis remain conflict-prone.

*As the conflict escalated, the importance of an all-Syrian identity weakened, and primary affiliation, loyalty to the clan and/or tribe became increasingly important. To date, the situation has changed. Citizens began to identify each other less on the basis of political views.*

*The study concludes that the crisis did not resolve the pre-existing contradictions along the line of rural/urban dichotomy, but also added new ones. At this stage, the problem of opposition to religious and secular world views in Syrian society has not been solved.*

*The article also describes the impact of the crisis on inter-ethnic relations and the situation of ethnic and religious minorities in a country where they make up a significant proportion of the population.*

*Corruption, routine and bureaucracy, as well as intrusive interference by security agencies in everyday life and business activity, are widespread phenomena faced by citizens. The failure of the authorities to address the root problems in these areas is a risk factor that could trigger future conflict.*

**Keywords:** *Syrian society, economic recovery, social and demographic shifts, ethno-confessional communities, governance, power, conflict.*

**For citation:** Sukhov N.V. The Current Situation in Syria and Prospects for its Development. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 2. Pp. 74–84. DOI: 10.31857/S086919080009057-9

Полевые исследования в Сирии проводились автором в форме интервью с общественными лидерами, бизнесменами, активистками женских организаций, студентами и молодыми людьми, журналистами, учеными, представителями местных властей, НПО, агентств ООН. Методы исследования зависели от ограниченных возможностей доступа к респондентам и были адаптированы к каждой конкретной ситуации. Исследования были дополнены материалами, предоставленными сотрудниками Программы развития ООН (далее – ПРО ООН), имеющимися статистическими данными ООН, вторичными источниками и выборочным мониторингом социальных сетей. Максимально использовались возможности перепроверки и сопоставления данных для создания как можно более полной картины в условиях ограничений, существующих в Сирии для подобных исследований.

## ЭКОНОМИКА КАК ФАКТОР МИРНОГО РАЗВИТИЯ

Экономика является фактором изменения ситуации в Сирии от войны к миру. Заботы жителей страны в основном сосредоточены на поиске рабочих мест, средств к существованию семьи, а не на вопросах безопасности, за исключением тех местностей, где продолжаются военные действия. Например, в городе Хомс респонденты выражали озабоченность в первую очередь такими проблемами, как наличие рабочих мест, девальвация национальной валюты, образование и восстановление былых социальных связей в обществе [UNDP LCA – Homs Governorate, 2019, p. 16].

Благодаря относительной стабилизации ситуации на территориях, которые контролируют и правительство, и СДС<sup>1</sup>, в 2018 г. стал заметен некоторый экономический рост. Восстановление шло полным ходом, несмотря на множество проблем; лидировали город Алеппо и провинция Дамаск. Восстановление в сельских районах Дамаска идет быстрее, чем где-либо еще: растут рынки – развивается торговля, вновь открываются предприятия сферы услуг, а частный капитал финансирует мелкомасштабную реконструкцию. В Алеппо также заметно оживление, наступившее с ростом экспорта и возвращением некоторых квалифицированных специалистов. Развитие бизнеса, строительный бум и спрос на квалифицированную рабочую силу в городе Хама являются показателями повышения уровня безопасности и уверенности в будущем.

---

<sup>1</sup> СДС – Сирийский Демократический совет – орган самоуправления на северо-востоке Сирии, контролируемый курдами.

Направления инвестиций очевидны, а условия для начала бизнеса воспринимаются как достаточно хорошие. Главную роль в восстановлении экономики в Хомсе играют предприятия государственного сектора. В Ракке деловая активность растет по всей провинции. Внутренний торгово-экономический обмен между СДС и правительством Сирийской Арабской Республики (далее – САР) активизировался, и многие торговцы переместились в Ракку из-за относительной безопасности в этом регионе, особенно после захвата кантона Африн Турцией и в связи с угрозой турецкого нападения на Манбидж. Дамасские промышленники начали инвестировать даже в неспокойной провинции Дараа, привлеченные доступностью рабочей силы, дешевой землей и более легким по сравнению с Дамаском процессом лицензирования деятельности.

Изменившиеся обстоятельства благотворно повлияли на строительную отрасль, что, в свою очередь, свидетельствует об уверенности населения в том, что насилие не возобновится. Много свободного капитала вкладывается в недвижимость из-за возросшего спроса на жилье, особенно нуворишами, разбогатевшими за годы конфликта. Арендные ставки на недвижимость продолжают расти во всех регионах страны. Еще одним признаком и одновременно фактором восстановления экономики является улучшение дорожных коммуникаций и транспорта, поскольку многие из перекрытых ранее дорог теперь функционируют. Разблокировка внутренних трасс и открытие границы с Иорданией привели к экономическому оживлению в Дараа, в то время как провинция Дейр-эз-Зор восстановила экономические связи с Алеппо и Аль-Хасаке, что способствует преодолению изоляции региона.

Наиболее серьезными экономическими проблемами являются западные санкции, огромный ущерб, нанесенный инфраструктуре в результате боевых действий, отсутствие государственной поддержки бизнес-сообщества и энергетический кризис, который обрушился на страну в 2019 г. Очень серьезно пострадал промышленный сектор страны<sup>2</sup>.

Наблюдаются нехватка квалифицированной рабочей силы, снижение покупательной способности населения. Инфляция способствует бедности, низкому покупательскому спросу и акценту на недорогих доступных товарах<sup>3</sup>. Множество субъективных препятствий, например, невозможность передачи права собственности без разрешений различных служб безопасности, тормозят экономику. Изменения в обществе, такие как дефицит мужчин трудоспособного возраста и эмиграция людей с высшим образованием, являются негативными последствиями кризиса, влияющими на перспективы восстановления страны. Стремление избежать воинской повинности наложило заметный отпечаток на рынок труда, такой как нехватка молодых мужчин в торговле, промышленности и на государственной службе<sup>4</sup>, и продолжает вызывать «утечку мозгов» за границу.

Социально-экономическое неравенство, усугубленное переходом от режима государственного регулирования к либеральному экономическому порядку в 2000-х гг., воспринимается населением Сирии в качестве одной из основных причин кризиса. В течение последних восьми лет неравенство только выросло и приобрело более выраженный географический характер. Резкий дисбаланс в богатстве, условиях жизни, развитии инфраструктуры и доступа к услугам очевиден в разных частях городов Алеппо и Хомс, и удивительно, что многие испытывают чувство несправедливости, видя это. Экономическая структура Алеппо продолжает воспроизводить дихотомию сельской и городской среды: владельцы предприятий являются состоятельными жителями города, а основная часть рабочей силы – сельская беднота.

В то же время изменилась социальная стратификация, поскольку увеличилось неравенство в благосостоянии разных слоев населения. Одни стали феноменально богатыми,

---

<sup>2</sup> Данные ООН и других источников.

<sup>3</sup> Данные об инфляции.

<sup>4</sup> Сами сирийцы называют свою экономику сейчас «экономикой женщин».

в то время как многие представители среднего класса пополнили ряды «новой бедноты», а сам средний класс уменьшился настолько, что почти исчез<sup>5</sup>.

Появился новый класс бизнесменов, которые воспользовались дефицитом товаров, созданным войной, продавая их по завышенным ценам. Например, когда прекратилось централизованное государственное электроснабжение, разбогатели те, кто организовал частное производство электроэнергии. Эта новая когорта деловых людей не пользуется уважением, но ее члены оказывают значительное влияние на местные сообщества своими деньгами и властью, которую принесло им богатство.

Теневая экономика процветает: несмотря на официальное закрытие границы, сохраняется прибыльный маршрут в Турцию через Большой Идлиб, по которому продолжается контрабанда. Перемещаются основные товары, а также оружие и наркотики, и таким образом создаются целые состояния. Контрабанда товаров с территории, контролируемой СДС, на территорию, контролируемую правительством, осуществляется «челноками», большинство из которых составляют женщины. Другими теневыми нишами для зарабатывания денег являются коррупция при получении освобождения или отсрочки от воинской службы, возведение несанкционированного жилья перемещенными лицами и сдача жилья в аренду без уплаты налога.

Жилищные, земельные и имущественные вопросы не являются источником социальной напряженности на уровне всей страны, но становятся таковыми в конкретных районах, где разрушения были массовыми, и началось восстановление населенных пунктов. Возвращение перемещенных лиц стало причиной земельных и жилищных споров в провинции Дараа на юге Сирии, где вернувшиеся владельцы обнаружили, что их дома были заняты другими семьями, которые отказываются выселяться [UNDP LCA – Daraa, 2019, p. 14].

Большая часть энергетических ресурсов Сирии сосредоточена в северо-восточной части страны, т.е. 90% производственных мощностей по добыче нефти и почти 100% газовых в настоящее время находятся под контролем возглавляемой США коалиции и СДС. Сотрудничество автономной администрации северо-востока (СДС) с правительством САР позволяет продолжить добычу нефти и газа, на месторождениях работают государственные специалисты. Нефть используется для местного потребления или вывозится на правительственную территорию грузовыми автомобилями, в обмен местная администрация получает переработанные нефтепродукты. Производственный цикл очень неэкономичен, и многие нефтяные скважины не работают. Это – временное бартерное соглашение, выполнение которого зависит от изменений в политической и военной обстановке.

Неспособность курдской администрации СДС восстановить полноценную добычу нефти воспринимается местным населением как её нежелание развивать подконтрольную территорию. Одна из претензий, вызвавших недовольство до кризиса, заключалась в том, что доходы от энергоносителей не вкладывались в местную экономику. Общественность убеждена, что ничего не изменилось, хотя в регионе остается больший процент добытой нефти, чем раньше. Расходование нефти и газа, а также налоговые поступления являются предметом внутреннего конфликта на северо-востоке.

## СИТУАЦИЯ В СОЦИУМЕ

Демография в Сирии является очень чувствительным моментом. Данные об этническом и конфессиональном составе населения никогда не собирались официально, и все цифры являются оценочными, но общины хорошо различают принадлежность к «своим» и «чужим». Кризис придал этим социокультурным идентичностям политическую окра-

---

<sup>5</sup> Данное заключение сделано на основании многочисленных интервью автора с бывшими представителями среднего класса, остающимися на территории Сирии.

ску, и это позиционирование стало ключевым определяющим фактором для поведения группы или индивидуума. По мере обострения конфликта значение общесирийской идентичности ослабевало, а первичная принадлежность, лояльность клану и/или племени становилась всё более важной. К настоящему времени ситуация изменилась. Граждане стали в меньшей степени идентифицировать друг друга на основе политических взглядов. Общество воспринимает себя сегодня более однородным. Исключение составляет отношение к жителям тех районов провинции Дейр-эз-Зор, которые находились под властью ИГИЛ<sup>6</sup>.

Исследование, проведенное аналитической группой ПРО ООН, не подтверждает тезис о межконфессиональной основе сирийского конфликта. В большинстве случаев борьба велась между членами общества, которые заняли взаимоисключающие политические позиции, и представители той или иной конфессии оказывались по обе стороны этого противостояния. Через призму теории «межконфессиональных противоречий» можно рассматривать только конкретные районы (города Хомс, Латакия, Тартус), где разные конфессиональные сообщества имеют сравнимую силу по отношению друг к другу и где основная линия разлома лежит между суннитами и алавитами как крупнейшими конфессиональными группами.

В других местах удалось избежать серьезного насилия по межконфессиональному признаку. Важно отметить, что многие участники конфликта имели одинаковую этническую и конфессиональную принадлежность, но были различны по своим социокультурным характеристикам и уровню приверженности религии. Интеллектуальная часть сирийского общества предлагает такое объяснение социально-культурной причины конфликта. Считается, что радикальная религиозная часть общества выступила против светского государства и секулярных избирателей, лояльных светскому государству. Разделительной чертой между ними является понимание того, является ли религия частным делом для отдельных лиц или она должна влиять на характер государства и общественный строй.

Общим знаменателем для тех, кто стоял на религиозном конце общественного спектра, который развивался в Сирии на протяжении десятилетий, и в последнее время варьировался от политического исламизма Братьев-мусульман до насильственного экстремизма ИГИЛ, является отказ от секуляризма в государстве. Кризис обнажил радикально противоположные взгляды на роль религии в государстве и различные позиции, которые существовали в обществе в отношении применения гражданского и религиозного права, выбора образа жизни и уровня терпимости к разнообразию. По мере роста насилия в ходе войны светская часть общества ощущала, что её образ жизни находится под угрозой и нуждается в защите. Кризис на данном этапе так и не разрешил проблему противостояния религиозного и светского мировоззрений в сирийском обществе.

Буржуазия видит возрождение классовой борьбы со стороны сельского и городского пролетариата [Интервью автора с руководителем законодательного комитета Народного Собрания САР А. Кузбари]. Страна живет в двух разных модальностях – городской и сельской, – в которых социальные процессы протекают различным образом. Узлы, на которых встречаются «город» и «деревня», а применительно к Сирии ещё и «пустыня», т.е. кочевники, представляли и продолжают представлять собой еще одну ось конфликта. Социально-образовательный разрыв между двумя группами весьма значителен, а социальная интеграция пришлого населения в городах не состоялась. По мере того как разворачивался кризис, городские жители возлагали ответственность за события на сельских жителей. Разрушение деревень и захват сельских населенных пунктов экстремистами привели к наплыву жителей сельской местности в города и подорвали существовавшую там социальную гармонию [Интервью автора с бывшим депутатом Народного Собрания

<sup>6</sup> Организация запрещена в Российской Федерации.

САР М. Сааде]. Например, жители города Дейр-эз-Зор обвиняют беженцев из округи в том, что они превратили мирные протесты в вооруженное восстание, что привело к потере их имущества и оккупации их домов пришлыми боевиками.

Исследование общественного мнения в Сирии позволяет сделать вывод, что кризис не только не разрешил ранее существовавшие противоречия по линиям секуляризм/религия и город/деревня, но и добавил новые. Одна из таких линий общественного раскола связана с различным опытом, пережитым обывателями во время конфликта: жизнь под властью правительства или оппозиции во всех её спектрах, и/или беженство внутри страны или за рубежом. Сформировались разные категории населения, которые, как правило, относятся к другим, исходя из того, что они жили при правительстве или оппозиции и соответственно поддерживали их дело. В ходе исследования была выявлена своего рода конкуренция в том, кто больше всех пострадал, так как каждый думает, что другим было легче: те, кто остался, испытали все тяготы войны в полной мере, но с большей вероятностью сохранили свое имущество. Те, кто бежал, имели больше шансов на образование и безопасность, но, вернувшись, нашли, что их собственность украдена, и столкнулись с социальным отторжением, как, например, в Дейр-эз-Зоре, где общество было очень травмировано войной.

На территориях, захваченных ИГИЛ, годы военных действий, радикализации, господства «халифата» и миграция населения оказали негативное влияние на социальную структуру. Опыт жизни под контролем насильственных экстремистских групп превращает многих людей в пассивных граждан, у которых остается мало эмоциональной энергии для социальной активности. Например, в провинции Ракка страх проник в сердца людей до такой степени, что, хотя ИГИЛ исчезло, они никогда не чувствуют себя в безопасности и совсем не уверены, что оно не вернется [UNDP LCA – Homs Governorate, 2019, p. 13]. Следствием пережитого опыта является то, что местные общины придерживаются религиозного образа жизни с большей строгостью, чем в других регионах Сирии, большее число женщин носят полностью закрытые одежды и всё меньше девочек заканчивают школу. Многие очень молодые женщины пережили опыт нескольких браков с боевиками, которые не были официально зарегистрированы, и в результате имеют детей, которые также не зарегистрированы (западная часть Дараа, анклав в сельских районах Алеппо и Хомса, Хасаке на северо-востоке, провинции Ракка и Дейр-эз-Зор).

Другой аспект, который необходимо затронуть в контексте анализа результатов полевых исследований, – влияние кризиса на межэтнические отношения и положение групп меньшинств в стране, где этнические и религиозные меньшинства составляют значительную долю населения и которая гордится терпимостью к этноконфессиональному разнообразию. Хотя события последних восьми лет порой способствовали межобщинной солидарности, они также негативно сказывались на межэтнических и межконфессиональных отношениях, усиливали сегрегацию. Изменились состав и структура общинных верхушек, выросло социальное расслоение, изменился доступ членов различных общин к рынку труда, высоким должностям, что привело как к улучшению, так и к ухудшению положения разных этноконфессиональных групп. Меньшинства преимущественно старались оставаться вне основного конфликта. Респонденты свидетельствуют, что перемещенные лица, принадлежащие к тем или иным религиозным меньшинствам, поселяются только среди своих единоверцев в принимающих районах. Христиане демонстрируют тенденцию к эмиграции, и вероятный демографический прогноз состоит в том, что Сирия выйдет из кризиса менее христианской страной.

Что касается межконфессиональных линий раскола сирийского общества, полевые исследования регистрируют наличие подозрительности между различными группами населения, например, в Хомсе, и напряженность в отношениях между небольшими общинами шиитов и окружающим суннитским большинством (в Дейр-эз-Зоре, Дараа).

Курды являются крупнейшим этническим меньшинством Сирии и занимают особое место. Когда речь не идет о политике, они воспринимаются как неотъемлемая часть сирийского социума. Курды стали доминирующим меньшинством на северо-востоке после того, как они сыграли значительную политическую и военную роль в кризисных событиях. Там возник замкнутый круг: если в прошлом курдское население чувствовало себя обездоленным, то сейчас арабы чувствуют себя маргинализированными. Арабские сельские общины накапливали недовольство действиями курдских вооруженных формирований, которые в ходе кампании против ИГИЛ выселяли целые деревни и жестко, подчас жестоко, обращались с местным населением. Отсутствие административных услуг, строгий контроль за передвижением и грубое обращение в лагерях перемещенных лиц интерпретируются местными как преднамеренное унижение арабов.

Несколько волн перемещенных лиц внутри страны, которые по численности иногда превосходили население принимающих городов и поселков, имели серьезные социальные последствия. Положительной стороной было то, что некоторые семьи интегрировались в принимающих районах, в то время как местное население открывало для себя новые культуры и возможности. Тем не менее это был обоюдоострый меч для принимающих общин: хотя беженцы приносили новые навыки и ресурсы, они также создавали разнонаправленное давление в сфере базовых административных услуг, жилья, работы и стоимости жизни. Внутренние перемещенные лица стали основной проблемой в провинции Латакия, где пришлое население концентрируется в прибрежных городах. Многие поселились в кварталах с жильем и коммунальными службами плохого качества, потому что они были доступны по цене, но при этом и были наименее подготовлены к массовому притоку людей, что привело к ухудшению ситуации. Принимающие общины в целом были готовы помочь своим согражданам в беде, но предполагали, что их присутствие будет временным. Однако большинство беженцев по прошествии времени обосновались в районах Тартуса и Латакии и, по-видимому, намерены там остаться. Таким образом, проблема, которая казалась временной, требует долгосрочных решений.

### СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ ПОКОЛЕНИЙ РЕЗКО ИЗМЕНИЛИСЬ

Молодежь выражает свою озабоченность по поводу работы, будущих перспектив и ограничений на передвижение, особенно для мужчин. Кризис затронул разные поколения по-разному. Молодые люди выросли в бедности и на фоне отсутствия безопасности в кризисные годы, в то время как представители старших поколений сформировались в условиях стабильности и имеют позитивные представления о жизни в стране. Поколение «1999+» взвалило на свои плечи большую часть ежедневных трудностей. В прошлом родители обычно поддерживали своих детей в период их образования и ранней карьеры, но роли поменялись местами, и молодые люди, как правило, становятся главными кормильцами семьи. Следовательно, они стали играть более важную роль в принятии решений в семье, что вызывает чувство отчуждения в семейных отношениях и конфликт между поколениями.

Другим побочным эффектом сирийского кризиса является жестокость юношей и девушек. Агрессивность стала обычным явлением. По сообщениям респондентов, мальчики, которые жили на территориях, подконтрольных вооруженным группировкам, имеют проблемы с поведением и негативно воспринимают учителей-женщин. Дети и подростки были свидетелями смерти, вражды и ненависти, а мальчики видели в девочках существ второго сорта. Подростки, которые были завербованы в вооруженные формирования, вновь поступили в школу, где они на годы отстают от сверстников, в большинстве – девочек. Наблюдается рост числа браков среди несовершеннолетних и случаев использования детского труда, а также вовлечение подростков в преступления и мародерство. В хо-

де большинства опросов на местах сообщалось о признаках социальной дисфункции, которые ранее были нетипичными. К ним относятся потребление наркотиков, попрошайничество и воровство, проституция и многоженство с участием женщин-беженок, распространение синтетических наркотиков среди молодежи.

## ОБРАЗОВАНИЕ

В обществе упало значение образования. С одной стороны, образование воспринимается как теряющее ценность, потому что оно не приводит к получению работы, которая, как считается, зависит только от связей. Конкуренция за рабочие места, неравномерное предоставление образования, отказ учителей работать в школах в определенных областях, коррупция в системе образования вызывают напряженность в обществе. С другой стороны, образование сохраняет ценность для многих семей, является ощутимой выгодой, предоставляемой государством, и является основным стимулом для переезда в контролируемые правительством районы, где имеются государственные школы. Университеты выполняют роль узлов социальных связей, и студенты из бывших оппозиционных районов приезжают учиться в крупные города.

Сфера образования за годы войны стала полем своеобразного соперничества между различными сторонами конфликта. Государственная система столкнулась с конкуренцией и со стороны исламского образования ИГИЛ, и со стороны учебной программы, внедренной курдскими властями в областях, находящихся под контролем СДС. Образовательная программа последних плохо оценивается респондентами, а легитимность школ, которые её преподают, не признаётся правительством. Родители, пострадавшие от «школ ИГИЛ», отчаянно нуждаются в лучшем образовании для своих детей. Если они имеют такую возможность, они готовят своих детей для государственных экзаменов, чтобы те в будущем могли поступить в университет. Наличие государственного образования является основной причиной возвращения в районы, контролируемые правительством, и даже создало новую волну эмиграции из провинции Хасаке на северо-востоке.

## УПРАВЛЕНИЕ И ВЛАСТЬ

Сирийское государство продолжает сохранять значительную инфраструктурную и административную власть, которая не была полностью утрачена во время кризиса. Тенденция к стабильности очевидна, постепенно формируется нормальная общественная атмосфера, чему способствуют восстановление ключевых центров социально-экономической жизни и возвращение государственных институтов к нормальной работе. Несмотря на то что государство укрепляет свою власть и добивается своих целей, хотя иногда и жесткими, чрезмерными методами, граждане хотят большего. Проблема заключается в том, что политические институты не реагируют на нужды людей, а также не способны к выявлению проблем, чтобы решать их на ранней стадии. Политическая культура, которая лежит в основе сирийского государства, носит характер вертикали и не предполагает поиска консенсуса или компромисса. Граждане не чувствуют, что их ценят и уважают.

Процессы перехода контроля над тем или иным районом страны от оппозиции к правительству, подготовка к возобновлению административных функций начинались еще в то время, когда шли боевые действия. Это свидетельствует о способности властей формулировать политику и концентрировать человеческие ресурсы для реализации своих планов. По наблюдениям автора, вертикаль власти в значительной степени функциональна, но заметно отсутствие координации между различными правительственными учреждениями на разных уровнях. Проблемой является также признание и принятие предста-

вителей власти местным населением. Некоторые из чиновников, которые раньше работали в муниципальных органах, а потом бежали от боевиков, были посажены обратно на свои места, а население, которое оставалось на месте, далеко не всегда принимает тех, с кем у них нет общего опыта переживания трудностей.

Важную роль в обеспечении лояльности, поддержании организационных структур и сохранении контроля над гражданами в течение всего кризиса, даже на территориях, находящихся вне контроля государства, играла выплата заработной платы служащим государственного сектора. Например, в провинции Дейр-эз-Зор распоряжение губернатора о возвращении государственных чиновников к своим обязанностям под угрозой потери работы привело к их массовому переезду в эту нестабильную и небезопасную провинцию.

В настоящее время политика государства заключается в том, чтобы по возможности поддерживать роль местных органов власти в обслуживании граждан, даже если они проживают в районах, которые контролируют оппозиционные силы. Офисы губернаторов Идлиба и Ракки продолжают работать в провинции Хама, которая граничит с этими территориями. Изгнанные оппозиционными вооруженными группами сельские администрации из северной части Хамы ведут свою деятельность из прилегающих районов, ожидая, когда они смогут вернуться обратно.

Другим инструментом государства является «право печати» – полномочия оформлять официальную документацию. Граждане, независимо от того, где они находятся, дорожат государственными документами, поскольку считают, что в будущем они будут лучше защищать их права.

Централизация планирования и составления бюджета в Сирии означает, что роль местных учреждений в установлении приоритетов и распределении бюджетов остается слабой, при этом их способность выполнять административные функции ограничена из-за нехватки ресурсов и кадров. В результате реальная власть сконцентрирована на уровне руководства провинции, где осуществляется взаимодействие между администрацией губернатора, департаментами центральных отраслевых министерств, отделениями партии БААС, службами безопасности и разведки.

Губернаторы, за исключением города Дамаска, назначаются из-за пределов провинций, в то время как партийная элита БААС является местной и находится ближе к местному обществу. Раньше губернатор и региональное руководство партии БААС имели равный вес, теперь баланс сместился в пользу губернаторов, в то время как административный вес партии во время кризиса снизился.

Период отсутствия гражданских институтов во многих районах усилил влияние военных и силовиков и степень их вмешательства в гражданские дела. В каждой провинции есть комитет безопасности, который призван координировать деятельность всех ведомств и поддерживать связь с национальными и иностранными военными. Это работает, как задумано, например, в Хомсе, но службы безопасности могут действовать и независимо друг от друга, например, в Дараа. Органы безопасности вышли далеко за пределы своих традиционных полномочий, что влияет на действия гражданских властей, которые находятся под постоянным наблюдением, опасаясь принятия ответственных решений. Службы безопасности также мешают коммерческой деятельности. Необходимость получения разрешений органов безопасности препятствует вовлечению населения в восстановление экономической жизни, например, при ремонте объектов недвижимости или открытии магазинов.

Помимо государственных чиновников власть в крупных городах и провинциях включает в себя ведущих промышленников и торговцев, которые могут положительно или отрицательно влиять на общество. У некоторых сложилась репутация благотворителей, у других – «сильной руки».

Лидеры военизированных группировок, лояльных правительству, и стоящие за ними семьи являются неотъемлемой частью власти в тех местах, где они продолжают существовать. «Шабиха» (вооруженные преступные группировки), которых боятся люди, также являются важными действующими лицами, хотя их роль уменьшается.

Неофициальные правила игры изменились, так как кризис подорвал гражданскую власть в тех частях страны, где велись военные действия. Здесь стали доминировать новые игроки, которые имели возможность контролировать движение людей и товаров, и группы торговцев, действующих заодно с ними. Контрольно-пропускные пункты дали возможность получения дохода, поскольку позволили взимать налог с проходящих через них товаров. Переход контроля над ресурсами в другие руки привел к появлению предпринимательского класса, связанного с военными, охранными, политическими и административными субъектами, а также с оппозиционными группами в зоне Большого Идлиба, которые сформировали там торгово-транспортную монополию. Такие теневые предприниматели заинтересованы в продолжении раскола и нестабильности, а некоторые продолжают сохранять свои частные армии. Незаконно приобретенное богатство, рост влияния силовиков и слабость государства стали новой осью конфликта. Решить эту проблему будет очень трудной задачей.

На правительственной территории неформальные сети не подконтрольны государственной власти, и в некоторых случаях губернаторы и центральное правительство не могут наступать на их интересы. Посторонним бизнесменам трудно проникнуть в эту новую «систему» региональных монополий, которая влияет на производство, ценообразование и транспортировку товаров.

Проблема коррупции поднималась в ходе опросов в провинциях Хомс, Хама, Дараа и Дамаск, т.е. на полностью контролируемых правительством территориях, а также в Дейр-эз-Зоре и Ракке, где контроль является смешанным. Было отмечено, что отдельным лицам и обществу в целом часто легче прибегать к «платежам за содействие» перед лицом огромных бюрократических препятствий, когда они пытаются что-то сделать по правилам. Для некоторых лиц, принимающих решения, требование взятки является стандартной практикой. В результате сформировалось восприятие официальной коррупции, когда должности используются для удовлетворения материальных интересов, а чиновники не несут ответственности за свои действия. Респонденты сообщали, что судебные органы имеют ограниченные возможности и полномочия, их решения не являются независимыми или обязательными для всех, поскольку обязанность по исполнению судебных решений не распространяется на определенные группы и лица. Чувство несправедливости, которое существует в обществе, остается скрытым, люди осторожны в выражении своих мыслей и чувств. Неспособность решить коренные проблемы в судебной сфере является фактором риска, который может спровоцировать будущий конфликт.

Подводя итог, можно сказать, что коррупция, рутина и бюрократия, а также навязчивое вмешательство органов безопасности в повседневную жизнь и деловую активность являются широко распространенными явлениями, с которыми сталкиваются граждане. Отсутствие подотчетности, безответственность системы, а также малоэффективная административная деятельность сделали взяточничество обычным средством достижения цели.

Однако недовольство в целом не приводит к протестам, которые возникают только тогда, когда затронута личная безопасность граждан, как это происходит в провинции Дараа. В большинстве случаев граждане признают проблемы, но принимают их как жизненные факты и избирают индивидуальные стратегии их преодоления, полагая, что согласие с существующим положением предпочтительнее тех альтернатив, которые им продемонстрировал кризис. Отсюда – преобладание общественной пассивности и фокусирование населения на своей частной жизни.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Интервью автора с руководителем законодательного комитета Народного Собрания САР А. Кузбари. Не опубликовано [Interview with the Head of the Legislative Committee of the People's Assembly of SAR A. Kuzbari. Not published].

Интервью автора с бывшим депутатом Народного Собрания САР М. Сааде. Не опубликовано [Interview with former Deputy of the People's Assembly of SAR M. Saade. Not published].

UNDP Local Context Analysis – Homs Governorate, 2019. Не опубликовано. [Not published].  
UNDP Local Context Analysis – Daraa Governorate, 2019. Не опубликовано [Not published].

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СУХОВ Николай Вадимович – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Nikolay V. SUKHOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia.